

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ КОДЫ ОБРАЗА ДОЛОХОВА.**Гевель О.Е.****Научный руководитель: Анисимов К.В. д-р.филол. наук.**

Под натурфилософией принято понимать философское постижение природы, впервые заданное как направление древнегреческими философами милетской школы, но продолжающееся в культуре вплоть до наших дней. Во многом близок натурфилософии и Л.Н. Толстой с его природными символами: небом Аустерлица, дубом, очеловеченным Холстомером и анималистическими характеристиками персонажей.

Федор Долохов в тексте романа «Война и мир» многими русскими и иностранными исследователями ощущается как нечто инородное, не-толстовское. Не нравится он близкой природе Наташе, объясняющей это расчетливостью персонажа: «у него все назначено». Однако Долохов органичен в своей среде – хаосе военных действий (ему удается привносить этот хаос и в толстовский «мир», каждый раз создавая новый порядок, «космос»). Он «зверь», «бестия», «собака», хоть и «злая» – но эта «животность» в толстовском тексте очень важна. Стоит отметить высказывание Л.Н. Толстого в письме А.А. Толстой от 1 мая 1858 г. (по поводу рассказа «Три смерти»): «Его [мужика] религия – природа, с которой он жил. Unebrute [животное], вы говорите, да чем же дурно unebrute? Unebrute есть счастье и красота, гармония со всем миром, а не такой разлад, как у барыни» [LX, С. 265-266]. Животность каждый раз будет означать «жизнеспособность», но не всегда – способность на другие важные для миропонимания Толстого действия: например, сопряженность с другими людьми, создание семьи. Тут Долохов оказывается таким же «пустоцветом», как избранные им в невесты «кошечка» Соня. В потомстве он не воплотился, в эпохе Толстого о нём остались только легенды.

Тем не менее персонаж этот наделен в тексте «Войны и мир» важными сюжетными функциями: каждое его действие, привносящее хаос, маркируется в итоге движением главных героев вперед к своему счастью. С образом Долохова в толстовском тексте неизменно будут связаны активные мотивы разрушения, нарушения границ. О.М. Фрейденберг подчеркивает: «Значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, разворачивается в действие, составляющее мотив: герой делает только то, что семантически сам означает»¹. Интересно, что многие характеристики образа Долохова, рассматриваемые нами дальше, будут содержать сему «холод» – это же слово можно получить, если прочитать наоборот корень его фамилии: «Долохов» – *«Холодов».

Б.М. Эйхенбаум делает любопытное замечание, позволяющее считать, что созданию Долохова предшествует образ с фамилией также холодной: Северников из «Декабристов», так как прототипом его стал тот же Ф. И. Толстой-американец: «Цыганы, карты и темперамент, с которым играет Северников, напоминают Турбина-отца, т.е. графа Ф.И. Толстого <...> фамилия Северников образована, вероятно, от прозвища “американец”, то есть от “Северной Америки”»².

В характеристиках Долохова сема «холод» встречается регулярно: холодность взгляда, холодность улыбки/усмешки, холодность тона: «холодным<...>ничего доброго не обещающим взглядом» [XII, С.160], «холодно улыбаясь» [X, С.353] «с холодной усмешкой сказал Долохов» [XII, С. 150], «отвечал холодно Долохов» [IX, С. 147]. Кроме того, Долохов бледен и светловолос. Единственное в его внешности, что не вписывается в эту холодную гамму – его руки: они не маленькие и белые, как руки большинства героев, созвучных Наполеону, а «ширококоптые, красноватые руки эти с волосами, видневшимися из-под рубашки» [X, С. 54].

¹Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С.223.

²Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Книга вторая: Шестидесятые годы. Л., 1931. С.192.

Поэтика холодности, выделенности, отдаленности будет актуализировать в этом образе культурные коды, связанные с семантикой одиночества – от современных ему романтических до более архаичных. Потому характерно, что у Долохова четко очерчен хронотоп действий – ярко выраженные пограничные пространства: подоконник, река, граница между армиями, переход через ломающийся на реке лед, дуэль, неудачное сватовство, карточная дуэль, калитка (неудачное похищение Наташи), ворота и. т.д.

Любопытно, что действует в романах Долохов преимущественно в холодную погоду: кутеж у Курагина – июньская петербургская ночь, смотр войск, военные действия – осень/зима, обед в честь Багратиона, дуэль с Пьером – начало марта (но еще снег), выздоровление/сватовство к Соне/карточная дуэль с Николаем Ростовым – весна, возвращение из Персии, сцена в театре, организация похищения Наташи Ростовской – зима, сцена примирения и объятий с Пьером – бородинское сражение, август, партизанские сцены – поздняя осень, конец октября.

В заметках и черновиках холодный Долохов парадоксально оказывается связан со стихией огня, например: «12й год, общий ход дел, Долохов Смоленск зажигает» [XIII, с. 30], «Зажжение Смоленска Долоховым есть начало Москвы 1812 года» [XIII, с. 31], в первой редакции тоже встречается упоминание о том, что Долохов поджигал Москву в 1812, в автографах к третьему тому Долохов сам признается: «Я запалил уж Каретный ряд, мои молодцы зажгут везде...», дает он и любопытный ответ на вопрос Пьера: «Да кто ж распорядился жечь? – Огонь! – отвечал Долохов» [XIV, с. 135]. Здесь вспоминаются его красные руки, совсем не холодные, но и не теплые. Это не тепло домашнего очага, а скорее дикий огонь, гармонично вписывающийся в остальные характеристики образа.

Бородинское сражение – самый «теплый» момент, в котором действует Долохов (теплый и в метеорологическом смысле, кстати). В.Г. Одинокоев называет Бородинское сражение «кульминацией в психологической партитуре романа»³. Перед сражением как будто сбрасывается вторая, холодная, «оборотная», натура Долохова, и остается просто человек – он со слезами обнимает Пьера и просит у него прощения, ощущая, как чувствуют все вокруг, переломный характер этого момента для русского народа. В поэтике образа Долохова это очень значимый эпизод – постоянно отдаляясь от всех, ни с кем не сопрягаясь, он вдруг совершает абсолютно не характерный для себя поведенческий жест единения. Для Толстого на протяжении всего творчества объятия становятся действием сакральным, обрядом не просто братания, но отождествления до неразличимости. Объятия Долохова и Пьера актуализируют мотив, отразившийся потом в позднем творчестве Толстого в рассказах «Хозяин и работник» (1895) и «Ассирийский царь Асархадон» (1903).

Предсмертное откровение купца Брехунова, обнимающего своего работника Никиту, чтобы не замерзнуть ночью в метель («Он – Никита, а Никита – он, и что жизнь его не в нем самом, а в Никите» [XXIX, С.44]) эквивалентно откровению Царя, помещенного в сознание в своего врага: «Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только часть этой жизни<...> Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою – любить их» [XXXIV, С.129] и манифестирует одну из самых сокровенных мыслей автора.

Толстой писал Черткову 19 ноября 1901 г.: «Сознание есть не что иное, как чувствование себя в одно и то же время и всем, и отдельной частью Всего. Не чувствуй себя человек всем, он не мог бы понимать, что такое отдельная часть всего, то самое, чем он себя чувствует. Не чувствуй же он себя отдельной частью, он не мог бы понимать, что есть Всё. Двойное чувствование это дает человеку знание о существовании Всего и о существовании своего отдельного существа и проявляется в жизни любовью, т.е. желанием блага тому, чем человек себя чувствует: желанием блага всему и желанием блага своему отдельному существу» [LXXXIX.С. 157].

³Одинокоев В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск, 1978.С. 80.

По этим крайним полюсам и разведены Соня (предельно альтруистичная, отдающая себя целиком всем) и Долохов (предельно эгоцентричный), однако они не были бы героями Толстого, если бы в какой-то момент своей жизни не соприкоснулись бы с этой гармонией, которая постоянна для таких персонажей романа «Война и мир», как Пьер и Наташа.

Список литературы.

1. Одинокое В.Г. Поэтика романов Л. Н. Толстого. Новосибирск, 1978.
2. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное). М., 1928-1958.
3. Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997
4. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Книга вторая: Шестидесятые годы. Л., 1931